Раздел I. Филология

А.И. Адов

ПОДЛЕЖАЩЕЕ – СКАЗУЕМОЕ VS. СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ

Логика считает, что означаемое повествовательного предложения есть суждение, т.е. суждение есть известное умственное построение; будучи выражено в словах, оно называется предложением. Суждения всегда представляют собой соединение субъекта с предикатом, т.е. имеют субъектно-предикатную структуру: одна часть суждения, т.е. означаемого повествовательного предложения есть субъект, а другая часть – предикат. В качестве примера возьмем предложение: *Сократ есть человек*, здесь *Сократ* – конкретное лицо именем которого является слово *Сократ*, а *человек* есть предикат, именем которого является слово *человек*. Соответственно, формула субъектно-предикатного построения имеет вид:

S есть P

[Ломтев, 2007: 8].

С точки зрения логики, понятия субъекта и предиката считаются логическими понятиями, т.е. принадлежат науке логике.

Логика сыграла большую роль в процессе развития науки о языке. Были концепции, опирающиеся на положения атрибутивной логики, подобные концепции выделяли в качестве главных членов подлежащее и сказуемое, ставя их в связь с понятиями субъекта и предиката. Впоследствии после отхода от логицизма, авторы новых концепций пытались отличить понятие подлежащего от понятия субъекта и понятие сказуемого от понятия предиката. В данной статье мы попробуем определить, сходства и различия между понятиями « субъект-предикат» и « подлежащее-сказуемое».

А.А. Реформатский определяет подлежащее как абсолютное определяемое, определяемый член предикативной синтагмы, а сказуемое, как определяющий член предикативной синтагмы [Реформатский, 2002: 332]. У Б.Н. Головина мы видим несколько другое определение: подлежащее – грамматически независимый член предложения, обозначающий предмет; сказуемое – грамматически полузависимый член предложения (зависит только от подлежащего) обозначающий бытийный признак предмета [Головин, 2005: 143].

С точки зрения Н.Н. Дурново, подлежащее – независимый именительный падеж существительного, обозначающий предмет, являющийся производителем или носителем признака, выраженного сказуемым, в его открываемом в мысли сочетании с этим признаком. Сказуемое – слово, имеющее форму, обозначающую его как признак, в открываемом мыслью сочетании его во времени с самостоятельным предметом мысли, обозначенным подлежащим предложения [Дурново, 2001: 80, 93] Иначе подлежащее определяет А.А. Потебня, по его мнению, подлежащее есть именительный падеж субстантивного имени, являющийся субъектом [Потебня, 1958: 120]

Разберем определение подлежащего, данное А.А. Потебней. Исходя из его определения, подлежащее есть форма падежа имени, если это так, то она ничего не делает и не может делать. Если что и обладает свойством делать, то это только предмет, а не его имя. Как подчеркивает П.Т. Ломтев, если подлежащее рассматривается как производитель действия, то им может быть только предмет, а не его имя. Если подлежащее рассматривается как форма имени, то она не может быть предметом и тем самым производителем деятельности [Ломтев, 2007: 11]. Из всех представленных определений наиболее приемлемым представляется определение, данное Б.Н. Головиным.

С точки зрения логики, субъект – это то, относительно чего мы высказываемся, а предикат – это то, что мы о нем высказываем или же, иначе, субъект есть предмет, а предикат есть признак.

Очевидно, что и подлежащее и субъект обозначают предмет, а сказуемое и предикат означают признак. Рассмотрим эти понятия на примере:

Каждый человек смертен.

Субъект выражен группой слов *каждый человек*, а подлежащее только одним словом *человек*, зато совпадают сказуемое и предикат. Возьмем другое предложение:

Человек разумное существо.

Здесь предикат выражен группой слов *разумное существо*, а сказуемое словом – *существо*, Зато совпадают подлежащее и субъект. Уже на этих примерах видно, что полного совпадения субъекта и подлежащего и предиката и сказуемого нет. Тогда рассмотрим еще один пример:

Испуганная нами ворона взлетела на высокую липу.

Здесь *ворона* есть подлежащее, а *испуганная нами ворона* – субъект; *взлетела* есть сказуемое, а *взлетела на высокую липу* – предикат. Здесь мы видим полное несовпадение логических и грамматических членов предложения, то есть вполне очевидно, что грамматические понятия отличны от логических.

И. Давыдов отмечал: «Грамматические члены различаются от логических. Грамматическим подлежащим называется только одно понятие о предмете суждения, логическое же подлежащее есть понятие о предмете суждения со всеми другими понятиями, относящимися к его объяснению. То же самое различие принимается между логическим и грамматическим сказуемым… Грамматических членов в предложении может быть четыре: подлежащее, сказуемое, определение и дополнение, а логических только два: подлежащее и сказуемое» [Ломтев, 2007: 9].

Ф.И. Буслаев указывал, что «в логическом отношении второстепенные члены не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее и логическое сказуемое (т.е. субъект и предикат)» [Ломтев, 2007: 17]. Из сказанного можно сделать вывод: вся разница между логическим и грамматическим подлежащим и сказуемым заключается в различном объеме, в неодинаковости количества членов предложения количества членов суждения. На наш взгляд, подобное объяснение не может нас удовлетворить. Это равносильно тому, что сказать, что разница между *A* и *B* в том, что *B* больше по количеству, чем *A*. Представляется, что должно быть что-то, что разделяет данные понятия по какому-то другому более глубокому признаку.

Первая попытка определения членов предложения без ориентации на субъект и предикат как частей суждения принадлежит А.А. Потебне. По его мнению, «существенный признак предложения состоит в том, что в предложение входят части речи: если их нет, тогда нет и нашего предложения» [Потебня, 1958: 71], то есть если есть хоть одна часть речи, тогда это предложение. В качестве примера возьмем:

Ночь.

Это существительное. Соответственно, мы можем рассматривать это как предложение. Рассмотрим теперь этот же пример, с точки зрения логики. Когда мы произносим слово *ночь*, то в этом понятии нет ничего истинного или ложного, но когда мы говорим *НЛО существует*, то утверждаем нечто истинное или ложное. Значит, грамматическое предложение существует просто при наличии частей речи, хотя бы одной, но при этом нужно оговориться, эта часть речи должна быть знаменательной, а логическое предложение требует еще признака истинности или ложности. Соответственно грамматическое подлежащее и сказуемое посредством частей речи выражают предмет и действие, которое этот предмет совершает, а логическое подлежащее и сказуемое выражают истинность или ложность суждения.

Быть может, вследствие этого грамматическое подлежащее и сказуемое могут быть выражены одной частью речи и включать в себя одно подлежащее или одно сказуемое. А логические подлежащее и сказуемое, неся в себе признак истинности или ложности, противопоставляются большому количеству слов и членов предложения. В качестве примера возьмем:

Испуганная нами ворона взлетела на высокую липу.

Данное суждение (предложение), с точки зрения логики, несет признак истинности. Субъект – *испуганная нами ворона*, предикат – *взлетела на высокую липу*. Здесь двум логическим членам противопоставляется семь слов, а эти слова соответствуют шести членам предложения.

Глядя на этот пример, можно заключить, что не может быть структурной адекватности суждения и предложения, так как двучленная форма суждения никак не укладывается в многочленную форму предложения. На первый взгляд, говоря языком логики, это утверждение истинно, ведь шесть членов предложения не могут непосредственно соотноситься с двумя членами суждения, тем более что логика не знает «второстепенных членов».

Рассмотрим ближе понятие «второстепенные члены предложения». Предложение:

Испуганная нами ворона взлетела на высокую липу.

Согласно обычному грамматическому (синтаксическому) анализу, имеет главные члены – *ворона* и *взлетела* и второстепенные члены: определения *испуганная*, *высокую* обстоятельство – *на липу*. Отношения этих членов в данном предложении построены так, что второстепенный член выступает в несамостоятельной, в зависимой роли. Он служит характеристикой главного члена.

Вполне очевидно, что термины «главный» и «второстепенный» выражают соотносительные понятия. Ведь отношения подлежащего и сказуемого не могут быть отношениями главного и второстепенного, так как и подлежащее и сказуемое в предложении равноправны. Вместе они образуют структурную основу предложения. Однако и подлежащее, и сказуемое могут выступать в форме сочетаний с зависимыми словами. «Отношения подлежащего к определению и сказуемого к обстоятельствам и дополнению есть отношение, образующее грамматические отношения внутри этих групп. Это отношение характерно только для части предложения, для одного из его членов, образующего со своими зависимыми словами группу члена предложения. В составе этих групп они входят в структуру предложения [Колшанский, 2005: 103].

Таким образом, предложение приобретает бинарную структуру, равно как и суждение. Только в суждении эту структуру образует пара субъект – предикат, а в предложении группа подлежащего и группа сказуемого, то есть, по сути, подлежащее предложения является ядром группы подлежащего, а сказуемое группы сказуемого. Однако если бинарную структуру высказывания образуют непосредственно субъект и предикат, то есть самостоятельно, то бинарную структуру предложения образуют группа подлежащего и группа сказуемого. Мы видим, что если подлежащее, как мы говорили выше, есть ядро группы, то субъект сам является группой, то же можно сказать и по отношению к сказуемому и предикату. Вполне очевидно, что при таком подходе субъект становится по отношению к подлежащему не только более крупной, но и самостоятельной единицей как собственно сказуемое и предикат.

Существует еще одна теория, которую мы не можем обойти вниманием и которая, возможно, поможет нам разобраться, какие же все-таки есть отличия между заданными парами. Суть данной теории заключается в признании стабильности членов предложения и нестабильности субъектно-предикатной пары. Подлежащее и сказуемое всегда стабильны в данном предложении; форма слова, входящая в предложение, которая представляет подлежащее, не может быть сказуемым в этом предложении. Предполагается, что субъектно-предикатная пара может выражаться любыми членами предложения.

А.И. Веденский писал: «Легко может быть, что подлежащее (или сказуемое) суждения будет высказано даже вовсе не подлежащим (или сказуемым) предложения, но какой-либо другой частью, например, одним лишь дополнением» [Ломтев, 2007: 16]. Согласно А.И. Веденскому, субъект и предикат представляют собой колеблющуюся пару. Любой член этой пары может быть выражен любым членом предложения. Мы не согласны с этим, так как ранее мы показали, что субъект гораздо более крупная единица, чем член предложения, которым он может быть выражен на грамматическом уровне. Данная идея получила свое развитие в теории актуального членения предложения. Согласно ей, содержание предложения разделяется на два члена, из которых один представляет собой данное, а второй – новое, неизвестное. Первый член называется темой, второй – ремой. Тема или рема может быть привязана, – как говорит В.З. Панфилов, – к любому члену предложения, не изменяя качества последнего на уровне синтаксического членения предложения» [Панфилов, 1963: 38–39]. В качестве примера возьмем предложение:

Я иду в театр.

Известно, что одним из способов распределения содержания предложения на тему рему является логическое ударение, используем его:

Я *иду в театр.*

Я ***иду*** *в театр.*

Я иду ***в театр***.

Логическое ударение на слове *Я* указывает на то, что иду именно *Я*. Логическое ударение на слове *иду* указывает на то, что я именно *иду*, а не *еду*. Логическое ударение на форме *в театр* указывает на то, что я иду именно *в театр*.

Предполагается, что в первом предложении тема – *иду в театр*, а рема – *Я*; во втором предложении тема *Я - в театр*, рема – *иду*; в третьем предложении тема *Я иду*, рема – *в театр*. Как мы видим, рема может выражаться любым словом предложения, а тема – всем остальным составом слов того же предложения. Любой член группы, состоящий из темы и ремы, может быть выражен любым членом предложения: члены указанной группы свободно меняются местами и свободно перемещаются по членам предложения [Ломтев, 2007: 17]. Существует концепция, что в случае отождествления темы с субъектом, а ремы с предикатом, с точки зрения теории актуального предложения, предложение, не имеющее актуального членения, не может иметь ни темы, ни ремы, а значит не может выражать субъект и предикат. По мнению И.П. Распопова предложение без актуального членения представляет собой некоторую конструктивную базу, то есть некоторую последовательность грамматических форм слов. Эта конструктивная база не имеет коммуникативного назначения [Распопов, 1961: 48, 50]. По этой концепции коммуникативной единицей, и, следовательно, предложением коммуникативная база становится только при наличии актуального членения. Предложение: *Я иду в театр* с этой точки зрения не является предложением, а представляет собой цепочку слов, и будет оставаться таковой, до тех пор пока у него не появится какая-либо актуализация. С позиции этой концепции различное актуальное членение выражает различные темы и ремы, одного и того же предложения, а если тема и рема отождествляются с субъектом и предикатом, тогда различному актуальному членению соответствуют различные истины, выраженные одной и той же цепочкой слов.

На наш взгляд, нет оснований рассматривать предложение *Я иду в театр* как такую цепочку слов, которая не имеет коммуникативного назначения, а, следовательно, не передает ни истинного, ни ложного сообщения, а предложение ***Я*** *иду в театр* как такую цепочку слов, которая имеет коммуникативное назначение и, следовательно, передает истинность или ложность сообщения. По нашему, мнению и первое и второе предложения имеют коммуникативное назначение. Мы не имеем никаких оснований утверждать, что логическое ударение, поставленное на *Я* образует другое предложение, имеющее другую истину.

Актуальное членение предложения есть проявление обратной связи. Говорящий реагирует на предполагаемое понимание слушающего в форме того или другого актуального членения предложения, но передает одну истину, а не множество истин.

Актуализироваться могут и предложения научного стиля. Если учитель предполагает, что ученики не усвоили тот факт, что квадрат должен иметь равные углы и равные стороны, он говорит:

Квадрат есть четырехугольник с ***равными*** *сторонами и* ***равными*** *углами.*

Если учитель предполагает, что ученики не усвоили тот факт, что квадрат четырехугольник, а не многоугольник, он говорит:

Квадрат есть ***четырехугольник*** *с равными сторонами и равными углами.*

В обоих случаях мы имеем одно и тоже предложение, передающее одно и то же сообщение, а не две разные коммуникации.

Рассматривая соотношение пар «субъект-предикат» и «подлежащее-сказуемое» мы пришли к заключению, что данные понятия связаны одно с другим, но отождествлять их нельзя. Безусловно, у этих понятий есть общие черты, но те черты, которыми они различаются, делают их отождествление невозможным. Субъект и подлежащее выражают предмет, а сказуемое и предикат выражают признак. Грамматическая пара подлежащее – сказуемое выражает предмет и действие этого предмета, а логическая пара субъект – предикат выражает признак истинности или ложности.

В предложении подлежащее и сказуемое являются ядрами групп, а субъект и предикат сами являются группами. Они являются единицами более крупными и самостоятельными. Они подобны, но не идентичны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головин Б.Н. Введение в языкознание. 5-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 232 с.
2. Дурново Н.Н. Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины / под ред. О.В. Никитина. М.: Флинта; Наука, 2001. 184 с.

3. Ивин А.А. По законам логики. М.: Молодая гвардия, 1983. 208 с.
4. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. 2-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2005. 240 с.
5. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 200 с.
6. Панфилов В.З. Грамматика и логика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 78 с.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз. 1958. 250 с.
8. Распопов И.П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961. 161 с.
9. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебник для вузов / под. ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресса, 2002. 536 с.
10. Челпанов Г.И. Учебник логики. М.: ОГИЗ, 1946. 159 с.

Т.В. Алейникова, Л.Н. Бутырина

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРИЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В РОМАНЕ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Веками донская земля отличалась особым колоритом народного быта, была пристанищем самых вольнолюбивых, дерзких и смелых натур.

Казачество – это особое состояние духа, при котором неразрывно существовали война и мир, боевой конь и копье, всегдашняя готовность к походу, сражению, пашня и курень.

В своем романе Михаил Шолохов показал жизнь донского казачества, передал сам дух его, все то, без чего не мыслит себя вольный казак; показал трагедию исторического пути народа на переломном его этапе.

Что же могла противопоставить порой агрессивно насаждаемой «науке ненависти», грубости, насилию древняя наивная донская природа, быт? Язык!

Именно он передает народный дух романа, состояние эмоционального подъема героев романа.

Как справедливо отмечает Л.Г. Якименко: «Шолохов не только «черпал» из фольклора то, что в поэтике фольклора зачастую было дано лишь в зачаточном, «зародышевом» состоянии, в поэтике М. Шолохова могуче развивалось, обогащалось опытом мирового искусства, приобретало индивидуальную, неповторимую форму» [6, 47].

Идиостиль писателя характеризуется и особенностью употребления фразеологических единиц. Они приобретают особую семантическую значимость, отражая различные стороны жизни казачества.

Привлекает внимание, прежде всего, модификация фразеологических единиц и пословиц. Например:

– *На тебе свет клином* ***пока*** *не сошелся* (к. 3, с. 394).

В этом примере введено слово «пока», указывающее на временной отрезок, а отрицательная частица «не» вносит антонимичный смысл (*свет клином сошелся*).

В некоторых случаях вставные элементы выполняют актуализирующую функцию. Например:

Уж ежли пан плох, то из хама пан ***во сто раз*** *хуже* (к. 3, с. 151);

или:

– *Цыган* ***теперича*** *шубу продал* (к. 1, с. 139).

Пословица *после Рождества цыган шубу продает* в данном случае модифицируется во временном контексте. Действие происходит после Михайлова дня (ноябрь), когда ударили морозы, и казаки, подшучивая друг над другом, что надели теплые тулупы, употребляют слово «теперича».

Среди казаков были популярны и шутливые определения качеств человека, они всегда воспринимались с юмором. Например:

Мелкий казак и никудышный. ***Соплей любого надвое перешибешь*** (к. 1, с. 142).

В первом предложении дается оценка казаку со стороны внешности и умений («никудышный» – о неумелом человеке) [4, 2, 186], во втором предложении гипертрофируется данная мысль, что вызывает смех.